БѢЛОРУССКІЯ

народныя мелодіи.

ПѢСНИ

сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы, духовные стихи.

Бѣлорусскій Сборникъ Е. Р. Романова,

Выпускъ седьмой.

Ноты печ. въ литогр. **Шмидта,** СПБ., текстъ въ типографіи
«**Русскій Починъ**», Вильна.

Оглавленіе.

Бѣлорусскій край не можетъ пожаловаться на недостатокъ изученія его въ этнографическомъ отношеніи. И внѣшній бытъ, и языкъ, и народное творчество болѣе или менѣе полно представлены въ трудахъ академиковъ Е. Ѳ. Карскаго, А. И. Соболевскаго, А. А. Шахматова, проф. М. В. Довнаръ—Запольскаго, А. Н. Харузина, Н. Я. Никифоровскаго и въ сборникахъ Безсонова, Дмитріева, Гильтебрандта, Носовича, Шейна, Ляцкаго, Добровольскаго, отчасти въ моихъ и др.

Но въ этихъ трудахъ очень мало отведено мѣста бѣлорусскому народному пѣнію, и бѣлорусскія мелодіи доселѣ почти неизвѣстны людямъ науки. Этимъ, конечно, и объясняется появленіе наивныхъ отзывовъ о нихъ, въ родѣ: „Трудно представить себѣ что либо тоскливѣе, заунывнѣе и горше (?) бѣлорусской пѣсни“, и т. п.[1]).

Отсутствіе записей бѣлорусскихъ мелодій объясняется, конечно, тѣмъ, что среди мѣстной русской интеллигенціи нѣтъ силъ, достаточно подготовленныхъ къ записыванію мелодій, а проживающая въ краѣ интеллигенція инородческая, нерѣдко обладающая солидной музыкальной подготовкой, относится къ бѣлорусской пѣснѣ съ сознательнымъ или безсознательнымъ презрѣніемъ.

Собственно, существуетъ только одинъ сборникъ бѣлорусскихъ мелодій, изданный г-жой Радченко въ 1881 г. [2]). Онъ заключаетъ въ себѣ 30 пѣсенъ гомельскаго уѣзда могилевской губерніи, положенныхъ на ноты самой издательницей—помѣщицей дятловичской волости,—съ прибавленіемъ аккомпанимента фортепіано. Затѣмъ, въ разныхъ томахъ сборника Шейна приведено 36 пѣсенъ, положенныхъ на ноты, въ довольно слабой, такъ сказать, схематической записи. Нѣсколько номеровъ положилъ на ноты извѣстный пѣвецъ Д. А. Агреневъ—Славянскій. Незнакомый съ бѣлорусскимъ языкомъ, онъ недостаточно бережно обращался съ текстомъ, но мелодіи очень умѣло приспособлены имъ для хора, который у бѣлоруссовъ почти отсутствуетъ, замѣняясь пѣніемъ въ унисонъ. Четыре пѣсни напечатаны М. В. Анцевымъ въ журналѣ „Баянъ“ 1904 г.

Раньше нѣсколько бѣлорусскихъ мелодій было напечатано польскими этнографами: Шидловскимъ, Чарновскою и Барщевскимъ.

Этимъ, кажется, и исчерпываются всѣ труды по изученію бѣлорусскихъ мелодій.

Изданіе народныхъ мелодій было, поэтому, моимъ давнишнимъ желаніемъ; но обстоятельства слагались такъ, что этому желанію невозможно было осуществиться.

Лично я весьма слабый знатокъ музыки, записи же приглашавшихся мною любителей пѣнія мнѣ казались неудовлетворительными.

Только въ концѣ 1909 года я встрѣтился съ преподавателемъ пѣнія въ виленскихъ учебныхъ заведеніяхъ Н. Н. Чуркинымъ, составителемъ нѣсколькихъ руководствъ по пѣнію. Приглашенный мною, онъ съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ дѣлу записыванія мелодій, и такимъ путемъ составился настоящій выпускъ. Къ записи и гармонизаціи бѣлорусскихъ мелодій г. Чуркинъ „отважился“ приступить, по его словамъ, подъ впечатлѣніемъ опасеній ревнителей бѣлорусской старины за участь бѣлорусской мелодіи и жалобъ ихъ на полное невниманіе отечественныхъ музыкантовъ къ бѣлорусской пѣснѣ. «Отважился» говоритъ онъ, «не смотря на свои скромныя музыкальныя силы съ ка-

[1]) Львовскій, Живоп. Рос. 1901, № 11. [2]) Сборникъ пѣсенъ гомельскаго уѣзда, записанныхъ для голоса съ аккомпаниментомъ фортепьяно Зинаидой Радченко, СПБ. 1881.

ковыми, вообще говоря, рискованно браться за такое серьезное и отвѣтственное дѣло, какъ гармонизація народныхъ мелодій. Только сознаніе опасности, грозящей бѣлорусской пѣснѣ—дало мнѣ отвагу выступить со скромными силами въ роли ея гармонизатора»...

Главной пѣвицей была у меня крестьянская дѣвушка изъ глухой деревушки *Заулковъ*, дисненскаго уѣзда, виленской губерніи, Анна Пилипенкова, 36 лѣтъ, неграмотная, католичка, дочь костельнаго служки, дѣдъ котораго былъ уніатомъ и около 1840 года совращенъ въ католичество.

Семья Пилипенковыхъ въ деревнѣ теперь многочисленна и отличается музыкальными наклонностями. Мать Анны—Елисавета и тетка Магдалина въ молодости были устроительницами дѣвичьихъ игръ, потомъ свадебъ, крестинъ и тому подобныхъ деревенскихъ празднествъ. Теперь это хранительницы древнихъ обрядовъ и знатоки старинныхъ бѣлорусскихъ пѣсенъ. Дядька Анны—Антонъ недурно складываетъ искусственные вирши на бѣлорусскомъ языкѣ, одинъ братъ ея—бывшій музыкантъ полкового оркестра; другой пѣвецъ и гармонистъ, записавшій для меня тексты 80 слишкомъ бѣлорусскихъ пѣсенъ изъ своихъ Заулковъ и т. д.

Сама Анна очень хорошая пѣвица бѣлорусскихъ народныхъ пѣсенъ, съ тонкимъ слухомъ, который давалъ ей возможность уловлять малѣйшія ошибки при записываніи мелодій, и съ хорошо развитымъ колоратурнымъ контральто—какъ это нерѣдко встрѣчается въ народѣ.

Репертуаръ ея довольно обширенъ, какъ въ сезонныхъ, такъ и въ обрядовыхъ произведеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она хорошая исполнительница старинныхъ бѣлорусскихъ танцевъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ ея исполненіи не лишены изящества.

Съ ея голоса для настоящаго выпуска записано 25 пѣсенъ весеннихъ, пасхальныхъ, толочныхъ, троицкихъ, купальскихъ, жнивныхъ, бесѣдныхъ, колядныхъ. свадебныхъ, крестинныхъ и игорныхъ, и кромѣ того, припѣвы къ десяти бѣлорусскимъ танцамъ.

Можно сказать, что это лучшія бѣлорусскія пѣсни. Онѣ рѣшительно опровергаютъ установившееся мнѣніе о бѣдности бѣлорусскихъ мелодій. Правда, большая часть ихъ печальны и вызываютъ слезы у слушателей, мало-мальски знакомыхъ съ трагической исторіей этого народа—страдальца, но за то онѣ же свидѣтельствуютъ о глубокой древности бѣлорусской народной поэзіи и служатъ доказательствомъ живучести и силы бѣлорусса, не потерявшаго, не смотря на всѣ историческіе перевороты и тяжкія гоненія, своего этнографическаго облика. Многія тысячи бѣлоруссовъ, подъ вліяніемъ духовнаго и матеріальнаго гнета, перешли въ католичество и въ слѣпотѣ своей называютъ свою вѣру „польскою“, но стоитъ только событіямъ жизни затронуть струны души народной—и изъ глубины ея извлекаются тысячи звуковъ, тысячи пѣсенъ, громко свидѣтельствующихъ, что измѣна вѣрѣ не измѣнила народнаго лика и почти не повліяла на народную душу.

Лучшими мелодіями въ пѣніи Пилипенковой мнѣ, неспеціалисту, кажутся веснянки №№ 1 и 3, троицкая № 10, всѣ купальскія, всѣ жнивныя, колядная (scerco Бетховена), рыдающія свадебныя №№ 26, 28, двѣ крестинныя №№ 33—34. Своеобразна, какъ веснянка, пѣсня волочебная; оригинальна по настроенію мелодіи древняя пѣсня о вдовѣ и ея припѣвъ: „Дунай, Дунай, Дунаечекъ!“ (№ 21). Слѣды глубокой древности носятъ игорныя пѣсни „Терешка“ и «Зязюля». Изъ танцевъ, по граціи выдаются „Товкачики“ и „Трясуха“; припѣвы къ послѣдней нѣсколько откровенны, и я не могъ помѣстить ихъ цѣликомъ. Вообще же, надо сказать, что для каждаго танца имѣется много варіантовъ въ текстахъ припѣвокъ; одни тексты поются дѣвушками, другіе мужской молодежью, и тѣ и другіе варьируются и т. д. Въ новѣйшихъ танцахъ оригинальны мотивы „Ланцуга“, съ большою дозой страстности (№ 43), а также «Кадрели» (№ 46).

Изъ пѣсенъ Пилипенковой двѣ несомнѣнно заимствованы: одна (толочная „Текла рѣчка“, № 9) происхожденія южнорусскаго, но издавна получившая широкое распространеніе въ предѣлахъ Бѣлоруссіи и имѣющая здѣсь нѣсколь-

ко мелодій; другая (лѣтняя „А какъ зародило много ягодъ у бору" № 52) великорусская, и занесена сюда старообрядцами въ концѣ XVII в. Эта пѣсня также значительно распространена и также поется нѣсколькими напѣвами. Въ виленской губерніи, судя по сохранившимся въ чистотѣ великорусскимъ выраженіямъ, пѣсня вошла въ бѣлорусскій репертуаръ недавно, и здѣшніе бѣлоруссы еще не успѣли переработать ея текста. Но въ мотивъ за то внесли оригинальныя измѣненія. Въ могилевской губерніи мотивъ сохранился въ большей чистотѣ, но текстъ уже значительно переработанъ [1]).

Слѣдуетъ прибавить, что нѣсколько пѣсенъ Пилипенковой не могли быть изданы по трудности положить ихъ мелодіи на ноты. Онѣ ждутъ фонографа.

Вторую часть настоящаго сборника составляютъ девять пѣсенъ и три духовныхъ стиха, записанные съ моего голоса. Хороводныя пѣсни, щедровки, колыбельныя и бесѣдная № 22 и слушались и пѣлись мною еще съ дѣтства въ зашт. городѣ Бѣлицѣ могилевской губерніи. Хороводныя заимствованы у великоруссовъ, заселяющихъ Бѣлицу, Гомель, Вѣтку и окрестныя слободы; бесѣдная несомнѣнно гродненскаго происхожденія и оттуда разошлась по восточной Бѣлоруссіи. Надо сказать, впрочемъ, что, по новѣйшимъ наблюденіямъ, населеніе кобринскаго, брестскаго и пружанскаго уѣздовъ гродненской губерніи очень сходно съ населеніемъ рогачевскаго и гомельскаго уѣздовъ отдаленной могилевской губерніи по типу, костюмамъ, быту и даже по языку.—Духовные стихи заучены мною во время записыванія ихъ для «Бѣлорусскаго Сборника».

Наконецъ, въ настоящій сборникъ вошли пѣсни бѣльскаго уѣзда гродненской губерніи, записанныя г. Чуркинымъ отъ его ученика по церковно-учительской школѣ Ивана Козла. Сюда относятся пѣсни лѣтнія—№№ 17 и 18, рекрутскія—№№ 19 и 53 и бесѣдная—№ 20. Объ этихъ пѣсняхъ я не имѣю возможности сказать что-либо; въ данномъ случаѣ опытность г. Чуркина служила для меня ручательствомъ, что онѣ не составляютъ балласта въ изданіи.

По мнѣнію г. Чуркина, мелодія бѣлорусскихъ пѣсенъ ясна, пластична, по рисунку и настроенію разнообразна: тутъ, по его словамъ, есть величественныя (№№ 3, 5, 27, 30..), задушевныя (10, 12, 17, 26...), сердечныя (13, 14, 15, 28) игривыя (21, 22, 38..) комическія (36, 22, 25) и религіозныя (49—51); нашлись мелодіи съ восточнымъ колоритомъ (33, 34). Ритмъ пѣсенъ стройный и разнообразный, подчасъ весьма затѣйливый, (какъ № 13, 52 или 47). „Манера пѣнія у бѣлоруссовъ, говоритъ г. Чуркинъ, та же, что и у великоруссовъ, т. е. они ведутъ мелодію пока хватаетъ духу, часто прерываютъ ее на полусловѣ и съ полуслова продолжаютъ (съ зелё...онаго дуба); между двумя согласными вставляютъ неопредѣленный гласный звукъ (расплакалыся мыладо йюношъ Алисахиви йцаревичъ.., люшеники, и т. д.)—что придаетъ мелодіи особую пѣвучесть; въ тонированіи интерваловъ часто наблюдается пониженіе (большой полутонъ) седьмой ступени, особенно въ минорномъ строѣ; конечный слогъ пѣсни часто обрывается; слоги нерѣдко связываются по способу „глиссандо"; встрѣчаются неопредѣленные интервалы и т. д.».

Имѣя въ виду интересы большой публики, которая не умѣетъ оріентироваться въ сыромъ матеріалѣ и потому не будетъ интересоваться имъ, мелодіи пришлось гармонизировать, приспособивъ ихъ для игры на фортепіано, какъ на инструментѣ, который имѣется въ каждомъ городскомъ домѣ.

Гармонизируя пѣсни, г. Чуркинъ примѣнялъ форму аккомпанимента большей частью полифоническую, четырехголосную, тональности, по возможности, малозначныя.

Такимъ образомъ, предлагаемыя пѣсни можно пѣть безъ сопровожденія фортепіано (верхняя строка), или исполнять только на инструментѣ (нижняя строка), или, наконецъ, соединять пѣніе съ аккомпаниментомъ.

По фортепіанной партіи пѣснямъ легко можетъ быть придана хоровая аранжировка.

Благодаря вниманію отдѣленія русскаго языка и словесности Император-

---

[1]) Бѣлор. Сб. Романова, вып. I, стр. 131.

ской Академіи наукъ, настоящее изданіе будетъ продолжаться по мѣрѣ накопленія надежнаго матеріала, между прочимъ и при помощи фонографа.

Въ виду этого, усердно прошу людей науки указать мнѣ всѣ тѣ недостатки настоящаго изданія, которыхъ желательно избѣжать въ послѣдующихъ выпускахъ.

Е. Романовъ.

Въ гармонизаціи иногда встрѣчаются неправильности въ голосоведеніи, допущенныя по извѣстнымъ соображеніямъ, напримѣръ въ № 1, въ 3 и 6-омъ тактахъ, въ № 5, въ 1, 3—4 тактахъ, въ № 27—4-й тактъ, въ № 44, въ 2-мъ тактѣ между 2 и 3 ударами; затѣмъ, слѣдуетъ исправить нѣкоторые корректурные недосмотры: въ № 28 въ началѣ 4-го такта надо счетъ помѣтить зн. *c*; въ № 29, въ 3 тактѣ на 4 ударѣ у второго голоса пропущено *ре* подъ первой генеральной линіей; въ № 36, въ 4-мъ и 10-мъ тактахъ у третьяго голоса вмѣсто *четверти си-бемоль* нужно *си четверть съ точкой* и *ля осьмая*; въ № 52, въ началѣ 5-го такта альту вмѣсто *фа* дать *ре* надъ 1-й генер. линіей;— въ № 50, между вторымъ ударомъ пятаго и первымъ шестого такта нужно въ началѣ шестого такта у альта зачеркнуть *соль* и оставить теноровое *ре*, тенору же приписать *си* подъ первой добавочной снизу; въ № 51, въ 15 тактѣ въ аккомпаниментѣ, двѣ послѣднихъ ноты (соль бемоль, фа) передать отъ лѣвой руки къ правой.

№ 1. Веснянка.

А подъ дубомъ, дубомъ—
Тамъ зязюля,
А подъ другимъ дубомъ—
Тамъ другая!
Да збяромся [1]), сёстры,
Въ одно мѣйсца [2]),
Да якъ закукуимъ
Мы жалосно! [3])
Да хто жъ насъ почуить—
Той уздыхнеть,
Хто мамки ни маить—
Той заплачить.
Была наша мамка
Горетная, [4])
Ина насъ маленькихъ
Годовала, [5])
Ина нашу долю
Проклинала.
А якъ жа казала, [6])
Такъ и стало...

Древняя пѣсня. Путемъ сравненія съ безродной кукушкой, въ ней изображается трагическое положеніе крестьянскихъ дѣвушекъ въ Бѣлоруссіи во время крѣпостного права, когда польскіе паны насильно брали ихъ «въ дворовыя». Теперь пѣсня поется главнымъ образомъ при снованіи кросенъ, но пѣвицы и въ настоящее время при пѣніи ея все еще плачутъ. Записано въ дисненскомъ уѣздѣ, отъ кр Пилипенковой и съ ея голоса. Вар. не встрѣчено.

[1]) Соберемся. [2]) Мѣсто; полонизмъ. [3]) Жалостно, жалобно. [4]) То же, что горемычная. [5]) Ростила, воспитывала. [6]) Говорила. При чтеніи, неударяемое О произносится какъ а; Д и Т предъ мягкими гласными произносятся какъ слитные дьз, тьс. Въ текстѣ они изображаются буквами Д̄ Т̄.

№ 2. Веснянка.

«Ой чаму ты, ялиночка [1]), ни зялёна,
Ни зялёна, ни зялёна, ни зялёна?»
— А якъ жа мнѣ, ялиноцца [2]), зялёной быть,
Зялёной быть? (3 раза).
Подо мною тры купчаки ночавали,
Ночавали. (3).
Яны моё корэньника потоптали,
Потоптали, (3)
Яны жъ моё вѣтьтійка поломали,
Поломали! (3)
«А чаму ты, д̄явчининка, ни вясёла,
Ни вясёла, ни вясёла, ни вясёла?»
— А якъ жа жъ мнѣ молод̄енькой весёлой быть,
Вясёлой быть? (3)
Коли ў мянѣ тры молойцы прабывали [3]),
Прабывали. (3)
Яны же мянѣ молодую забавляли,
Забавляли, (3)
Яны жъ мою русу косу растрыпали,
Растрыпали, (3)
Яны жъ мянѣ молодую осьміяли [4]),
Осьміяли, осьміяли, осьміяли.

Поется весною, отъ марта до Троицына дня, а въ Могилевской губерніи и во время толоки. Записана тамъ же. Вар. у Шейна, Матер. ч. 1, 210.

[1]) Елиночка, елочка. [2]) Елочкѣ, дат. пад. [3]) Пребывали. [4]) Осмѣяли.

№ 3. Веснянка.

Хо̑дивъ—похо̑дивъ Ясь [1]) по по́лю, (2)
Сѣивъ—разсива́въ василёчки. (2)
А разсѣ́ившы, прочъ поѣхавъ, (2)
Отъѣхавшыся, оглянувся,— (2)
Синій василёкъ сколыхнувся. (2)
«Васили жъ моѐ, василёчки! (2)
А хто жъ васъ бу́д̑ит̑ь полива̑т̑и, (2)
Отъ злыхъ морозовъ укрыва̑т̑и? (2)

— Мамка ста́ра, сестра̀ ма́ла, (2)
А жана̀ молода̀ на Дунай [2]) пошла. (2)
Да т̑и ина̀ тамъ утонула, (2)
Да т̑и яѐ тамъ зьвяры̀ [3]) зьѣли? (2)
— Кабъ ина тамъ утонула,— (2)
Си́нія мо́ра [4]) ўсколыхну́лось; (2)
Да кабъ яѐ тамъ зьвяры̀ зьѣ́ли, (2)
Крыва́выя бъ рэчки [5]) бѣгли. (2)

Пѣсня носитъ названія «Ясь» и «Васильки». Поется весною, въ періодъ посѣва. «коло Миколы». Въ отдѣльныхъ выраженіяхъ имѣетъ много варіацій. Въ печатныхъ этнографическихъ сборникахъ варіантовъ не встрѣчено Записана со словъ Романова, по тексту дисненскаго уѣзда, съ голоса Пилипенковой.

[1]) Ясь, Янъ — Иванъ. [2]) Дунай — названіе рѣки, общеупотребительное на пространствѣ всей Бѣлоруссіи, не исключая Виленской и Гродненской губерніи, даже на р. Зап. Бугѣ. Очень часто теряетъ значеніе собствен. имени и употребляется, какъ и здѣсь, въ видѣ нарицательнаго. [3]) Звѣри съѣли. [4]) Синее море. [5]) Кровавыя рѣчки побѣжали бы.

№ 4. Волочобная.

А ў лу́зя, ў лузя—[1])
Христосъ, Сына Божа! Христосъ!
Да ў зялёнымъ!
Х. С. Б.! Х!
Тамъ лета́ла
Х. С. Б.! Х.!
Шэра [2]) па́ва.
Х. С. Б.! и т. д.
Да ўрони́ла
Зло́ты пе́ры. [3])
Тамъ ходила
Слична панна [4])
Марусичка.
Да збирала
Зло́ты пе́ры,
Да ўвива́ла
Перло́въ вѣньчикъ,
Да ўсклада́ла
На головку,
На буйну́ю.
Пошла ина̀
Доро́гою
Шыро́кою.
А ўвид̑ила
Бяро́зочку.
На бяро́зца [5])
Зло́ты ли́сьт̑я
И шышачки.
Налят̑ѣли
Дробны пташки,
Стали яны̀
Шышки клюва̑т̑ь.
Мару́сичка
Тыхъ пта́шачакъ
Отогнала,
Шавко́въ платокъ
Разослала— [6])
Зло́ты ли́сьт̑я
Нащыпала.
Пошла жъ ина̀
До зло́тьничковъ:
«Вы зло́тьнички,
Рабо́тьнички!
Ды зроби́т̑я [7])
Тры уго́дьд̑и,—
Я за то́я
Под̑инькў́ю! [8])
Моѐ ўгодьд̑и
Мнѣ потрэ́бны:
Перло́въ вѣньчикъ
До виньча́ньня,
Срэ́бный кубокъ
На вита́ньня,
Злотый пе́рсьтинь
На миня́ньня!»
Да зроби́ли
Тры уго́дьд̑и,
Одда́ли ёй
На ру́чыньки.
Мару́сичка,
Слична панна,
Пошла ина̀
По кла́доцца, [9])
А кладочка
Ззыбну́лася; [10])
Марусичка
Злякну́лася, [11])
Да ўронила
Тры уго́дьд̑и.
Христосъ, Сына
Божа! Христосъ!

Оканчивается пѣсня тѣмъ, что рыболовы вытащили изъ воды угодья, Маруся пошла домой и стала писать письма къ милому. Милый пріѣхалъ на дворъ самъ — девятый и «привиталъ» сличну панну.

Поется въ первый день Пасхи волочебниками—поздравителями, въ такихъ домахъ, гдѣ имѣется взрослая дѣвушка. Напечатано въ «Вилен. Календ.» 1910 г. Записана крест. диснен. у. плисск. вол. С. Викентьевымъ, католикомъ, 20 лѣтъ, грамотнымъ. Пѣла сестра его А. Викентьева, 37 л. негр.

[1]) Въ лузѣ, предл. пад. [2]) Сѣрая. [3]) Золотыя перья. [4]) Красивая дѣвушка. [5]) Предл. пад. [6]) Шелковый платокъ разостлала. [7]) Сдѣлайте. [8]) Подякую, поблагодарю. [9]) По кладочкѣ. [10]) Всколыхнулася. [11]) Испугалась.

№ 5. Хороводная.

По лужкамъ, лужкамъ, лужкамъ,
Разливалася вода.
Эй-ли, эй да люлй,
Разливалася вода.
Разливалася вода,
Растилалася трава.
Эй-ли, эй да люлй,
Растилася трава.
Растилалася трава,
Расцвитáли всѣ цвитá. Эй-ли, и т. д.
Што по той жа по травѣ
Дѣвки водють корогодъ. Эй-ли и т. д.
Усѣ дѣвки хорошй,
Красавицы пригожй, Эй ли...
Одна дѣвка крáши ўсихъ,
По прибору лýччи ўсихъ. Эй-ли. .
По прибору луччи ўсихъ,
Въ косѣ лента шири ўсихъ. Эй-ли...
Подойду жъ я къ корогоду,
Поклонюся я народу. Эй-ли...
Подойду я поближѣй,
Поклонюся пониж́ѣй. Эй-ли...
„Раскажи-тка ты, дѣвчонка,
Якъ по батюшку зовуть?“
Эй-ли, эй да люлй,
Якъ по батюшку зовуть.
— Мое имя Катерина,
Дочь московскаго купца,
Эй-ли, эй да люли,
Дочь московскаго купца.
Наступаить тёмна ночь,
Отыйди, молотчикъ, прочь!
Эй-ли, эй да люли,
Отыйди, молотчикъ, прочь.

Поется въ хороводѣ отъ Пасхи до Троицы. Заимствована отъ живущихъ въ Могилевской губерніи великоруссовъ — старообрядцевъ. При открытіи хоровода, въ кругѣ ходитъ парень и выбираетъ дѣвушку. При словахъ: «одна дѣвка краше всѣхъ» — парень подходитъ къ избранницѣ и снимаетъ шляпу; когда поютъ: «поклонюся я народу..... поклонюся пониж́ѣй» онъ кланяется дѣвушкѣ, и та входитъ въ кругъ. Далѣе дѣйствія ихъ сообразуются съ текстомъ пѣсни. Записана со словъ и съ голоса Е. Р. Романова, по тексту г. Бѣлицы Могилев. губ. Дзеканье здѣсь отсутствуетъ.

№ 6. Хороводная.

Я малёшенькій
Въ маменьки ўродився—
Люли-полюли въ маменьки ўродився.
Ой несчастный я,
Да я ожанився—Люли...
Якъ узявъ я себѣ
Жану молодую—Люли...
Якъ вишаньку
Ў саду зеляную—Люли...
Якъ яблочко
Ў саду наливное. Люли...
„Ты пойдёмъ-ка, негодный,
Ды къ тéсьтю у гóсьти!“Люли...
— Государыня жана,
Пойдёмъ хоть сегодьни! Люли...
Не пошли къ тесьтю ў госьти—
Ў зелёную рощу. Люли...
Привизала негодяя
Кы бѣлой берози, Люли...
А сама то пошла
У пиръ пировати Люли...
Ровнó девять денёчковъ
Инá ни бывала, Люли. .
На десятый денёчекъ
Инá приходила, Люли ..
Негодяемъ молотчика
Менѐ называла. Люли...
„Хорошо тебѣ, негодный,
Въ пиру пировати?“ Люли...
— Государыня жана,
Менѣ [1]) не до пиру! Люли...
Мнѣ мурáшачки
Нóжачки сточили, Люли...
Мнѣ комарики
Плечики скусáли, Люли...
Мнѣ соловъюшки
Головку склювáли. Люли...
„Да ти будешъ, негодный,
М'не [2]) хлѣбомъ кормити?“ Люли...

— Государыня жана,
Буду калачами! Люли...
„Да ти будешъ, негодный,
М'не [2]) квасомъ поити?" Люли...
— Государыня жана,
Я буду сытою! Люли...
„Да ти будешъ, негодный,
М'не [2]) ў госьти водити?" Люли...
— Государыня жана,
Иди куды хочешъ!
Люли-полюли, иди куды хочешъ!..

Пѣсня тоже заимствованная отъ великоруссовъ. При открытіи хоровода, въ кругѣ ходитъ молодецъ и въ отчаяніи ломаетъ руки при словахъ: «Якъ узявъ я себѣ жану молодую», онъ поклономъ приглашаетъ въ кругъ дѣвушку. Когда поютъ: «Привязала негодяя», дѣвушка охватываетъ парня платкомъ и концы его даетъ держать подростку - дѣвочкѣ, нарочно вызванной для этого въ кругъ. «Сама пошла во пиръ пировати» — начинаетъ расхаживать по кругу, въ то время какъ молодецъ, гримасничая отъ боли, отгоняетъ комаровъ и пр. Послѣдній діалогъ жена ведетъ сурово, съ угрозами; мужъ отвѣчаетъ ей смиренно, съ поклонами. Женщина оказывается полною побѣдительницей. Парни въ отместку, поютъ вмѣсто: «Иди куды хочешъ»—«Иди хоть и къ черту!» Записана со словъ и съ голоса Е. Р. Романова.

[1]) Мнѣ—дат. пад. [2]) Меня, сокращен. мене, вин. пад.

№ 7. Хороводная.

Колодезь нашъ вѣрный,
Колодезь глыбокій,
И той стоить безъ воды! (2 раза)
Кони воду выпивали, (2)
Копыто́чкомъ землю̀ выгребали. (2)
А нашаго хозяина,
А нашаго молодого,
Дома не случилося! (2)
Якъ да поѣхавъ нашъ хозяинъ,
Якъ да поѣхавъ нашъ молоды́й,
Въ Китай—городъ погулять. (2)
Якъ привезе́ть жа нашъ хозяинъ,
Якъ привезе́ть жа нашъ молоды́й,
Китайскую вумницу. (2)
Китайскую вумницу (2)
Выведу на вулицу. (2)
Китайская вумница, (2)
Я жъ тебе люблю, золотца. (2)

Потомъ хозяинъ привозитъ «вумницъ» изъ Казани, Питера и др. городовъ, и каждой изъ нихъ поручаетъ извѣстную работу. Послѣдняя изъ нихъ «убираетъ постелюшку». Все это и продѣлывается въ кругу хоровода. Записана тамъ же. Тоже заимствованная.

№ 8. Хороводная (историческая).

Вечеро́мъ торгѝ торговали, (2)
Свинцу, пороху закупа́ли (2)
Мѣдны пу́шачки заража́ли (2)
Въ камянну̀ стѣнушку стрѣляли. (2)
Короля въ глаза не видали, (2)
Красну дѣвочку въ полонъ взяли, (2)
Ки Румянцеву подводили. (2)
Графъ Румянцевъ жа любова́вся, (2)
Красотѣ ее̇ дивова́вся: (2)
„Хороша дѣвочка, румяна, (2)
По нѣмецкому пріубрана, (2)
На ёй шубочка голуба́я, (2)
Душагрѣечка парчева́я, (2)
Въ косѣ ленточка широка́я. (2)
Ты изволь зъ нами говорити, (2)
Про свою силушку сказати! (2)
Ты пойди, пойди въ Расе́й замужъ, (2)
За любимаго мойго̀ сына, (2)
За Ивановича Ивана, (2)
За расе́йскаго генерала!" (2)
— Не хочу зъ вами говорити, (2)
Про свою силушку сказати. (2)
Я не йду, не йду въ Расе́й замужъ, (2)
За любимаго твойго̀ сына. (2)
За Ивановича Ивана, (2)
За Расейскаго генерала!.. (2)
Графъ Румянцевъ тутъ разсерді́вся, (2)
Ёнъ безъ милости распылився, (2)
Востру шабельку вынимаить, (2)
Красну дѣвочку востращаить. (2)

Красна дѣвочка убоялась, (2)
За Румянцевымъ погонялась: (2)
„Охъ ты, батюшка, графъ Румянцевъ!(2)
Ты не гнѣвайся, не сердися: (2)
Ты позволь съ тобой говорити, (2)
Про свою силушку сказати. (2)
Я иду, иду въ Расей замужъ (2)
За любимаго твоіго сына, (2)
За Ивановича Ивана, (2)
За Расейскаго генерала!“ (2)

При началѣ хоровода парень — Румянцевъ ходитъ въ кругу. При пѣніи: «Красну дѣвочку въ полонъ взяли» онъ приглашаетъ въ кругъ избранную дѣвушку, которою потомъ любуется, сообразно съ ходомъ пѣсни, и представляетъ ей своего сына—молодого парнишку изъ хоровода же. Дѣвушка относится къ нимъ съ пренебреженіемъ и отворачивается. Но какъ только «красна дѣвочка убоялась», роли мѣняются: она упрашиваетъ Румянцевыхъ, тѣ отворачиваются отъ нея. И только при словахъ: «Я иду, иду въ Расей замужъ!» Румянцевы берутъ ее за руки и представляютъ хороводу обводя по кругу.

Пѣсня говоритъ объ одномъ изъ штурмовъ Варшавы, но смѣшала Паскевича съ Румянцевымъ, благодаря тому, что оба они были владѣльцами Гомеля, гдѣ записана пѣсня.

Бѣлоруссы заимствовали пѣсню отъ гомельскихъ старообрядцевъ, которымъ Румянцевъ покровительствовалъ.

№ 9. Толочная.

Ти̂кла рэ̂чка празъ мясьтѐчко[1])
Зъ вишнёваго са́ду,
Кликавъ каза́къ дявчи́нинку
Къ сабѣ на пора́ду. [2])
„Пора́й, пора́й, [3]) дявчи́нинка,
Якъ ро́дная мати̂,—
Ти̂ мнѣ тя̂пе́ръ жани́тися,
Ой ти̂ тябѐ ждати̂?“

— Ой я табѣ, мальчи́шачка,
Ра́ю и ни ра́ю,— [4])
Я съ тобою вѐчаръ сто́ю,
Й а друго́го ма́ю! [5])
„Бодай [6]) жа ты, дявчи́нинка,
Тогды̂ замужъ зайшла̂,
Якъ у лѣси на вѐраси [7])
Пшани́чанька ўзыйшла̂!

— Бода́й жа ты, мальчи́шачка,
Тогды̂ ожани́вся,
Якъ у млы́ни на ка́мени
Ку́кель [8]) уроди̂вся!

Поется главнымъ образомъ во время толоки, при вывозѣ навоза и разбрасываніи его по полю. Выраженія: *казакъ, съ вишневаго саду, млынъ*, указываютъ на южное происхожденіе пѣсни; но она совершенно ассимилировалась въ Бѣлоруссіи, распространена по всему краю и имѣетъ даже различныя мелодіи. Записана со словъ Романова, по тексту Виленской губерніи, съ голоса крест. Пилипенковой.

[1]) Текла рѣчка чрезъ мѣстечко. [2]) Совѣтъ. [3]) Посовѣтуй. [4]) Совѣтую. [5]) Имѣю. [6]) Пусть, пускай, а чтобъ. [7]) Верескъ. [8]) Куколь—сорная трава въ пшеницѣ.

№ 10. Троицкая.

Божа жъ мой!
Ель моя,
Зялёная,—
Божа жъ мой!
Божа жъ мой!
Свякро́ва моя
Шалёная,—
Божа жъ мой!

Божа жъ мой!
Загадала мнѣ
Работку роби́ть, [1])
Божа жъ мой!
Божъ жъ мой!
Работку роби́ть,
Ды й бѣль [3]) бяли́ть,—
Божа жъ мой!

Божа жъ мой!
Бѣль бяли́т̄ь,
Въ суботку мочи́т̄ь,—
Божа жъ мой!
Божа жъ мой!
Въ суботку мочи́т̄ь,
Въ няд̄ѣ́льку жлукт̄и́т̄ь,— [3])
Божа жъ мой!
Божа жъ мой!
Въ няд̄ѣ́льку жлукт̄и́т̄ь,
На мо́ры бяли́т̄ь,—
Божа жъ мой!
Божа жъ мой!
На мо́ры бяли́т̄ь,
На лѣ́ся [4]) сушы́т̄ь,—
Божа жъ мой!

(Припѣвъ: *Божа жъ мой!*— позднѣйшій. Болѣе древній припѣвъ: *Ой то-то!* Или просто: *То-то!*)

Ой то то̀!
На лѣ́ся сушы́т̄ь,
На нéбя [4]) кача́т̄ь,— [5])
Ой то-то̀!
Ой то то̀!
На нéбя кача́т̄ь,
Въ орэ́шакъ склада́т̄ь,—
То-то̀!
То-то̀!
Т̄и я тата́рка— [6])
Въ суботку мочи́т̄ь?—
То-то̀!
То-то̀!
Т̄и я жыдо́вка—
Въ няд̄ѣ́льку жлукт̄и́т̄ь?—
То-то̀!
То-то̀!
Т̄и я ву́точка—
На мо́ры бяли́т̄ь?—
То-то̀!
Ой, то-то̀!
Т̄и я зо́рачка—
На лѣ́ся сушы́т̄ь?—
То-то̀!
Ой то-то̀!
Т̄и я звѣ́здочка— [7])
На нéбя кача́т̄ь?—
То-то̀!
Ой то-то!
Т̄и я бѣ́лочка—
Въ орэ́шакъ склада́т̄ь?
То-то̀!

Пѣсня древняя. По мотиву и размѣру близка латышскимъ Ивановскимъ пѣснямъ:

Лиго̀! Іонишам лели зирги,
Петришам вел лелоки—Лиго̀!

У Иванюши большіе кони,
У Петруши еще большіе.

Такая же близость наблюдается и въ отношеніи литовскихъ пѣсенъ. У бѣлоруссовъ пѣсни этого цикла носятъ общее названіе «То-то». Записана со словъ и голоса кр. Пилипенковой въ дисмен. у. Вар. Шейнъ, Бѣл. пѣсни, 531, Мат. 1, 179.

[1]) Работать. [2]) Бѣлье [3]) Бучить, кипятить. [4]) Предложн. пад. [5]) Катать. [6]) Развѣ я татарка. [7]) Произносится какъ е, но не ё.

№ 11. Купальская.

А на горэ̀ цэ́рковка, (2)
На цэ́рковца [1]) кры́жычакъ, [2]) (2)
На кры́жычку ма́ковка, (2)
На ма́ковцы [1]) ла́стовка. (2)
Сяд̄и́т̄ь ина̀ высо́ко, (2)
Гляд̄и́т̄ь ина̀ далёко,— (2)
Што ў Полоцку д̄ѣитца: (2)
Семъ ма́льчаковъ жэ́нитца, (2)
Семъ д̄ѣ́вочакъ бе́рытца [3]) (2)
Сохли, сохли д̄ит̄юки́, [4])
За гра́дами [5]) сѣ́д̄ючи,
На д̄ѣ́вочакъ глѣ́д̄ючи.

Поется на Купалу, въ числѣ первыхъ. Собственно, по пути къ костру поются еще Троицкія пѣсни «Ой то-то!» Затѣмъ «Сегодня Иванъ, завтра Янъ» и другія, имѣющія непосредственное отношеніе къ Иванову дню, а потомъ «А на горэ цэрковка», «Чаборъ», «Ой бору».—Записана со словъ Романова, по тексту дисмен. у., и съ голоса кр. Пилипенковой. Вар. Шейнъ, Бѣл. п., 444.

[1]) Предложн. пад [2]) Крестикъ. [3]) Берется замужъ. [4]) Парни, хлопцы, мальцы. [5]) Въ запечкѣ.

№ 12. Купальская.

Ой чабо́ръ мой зялёный, (2)
Д̄ѣ т̄ябѐ посад̄ӣт̄и: (2)
Т̄и ў горо́д̄я [1]) на лясѣ̀, [2]) (2)
Т̄и ў капу́сный борозьнѣ̀? (2)
— Д̄ѣ̀ хо́чат̄я, посад̄ӣт̄я (2)
Тольки вѣ̀т̄ьт̄я ня 'бломӣт̄я, [3]) (2)
Ды листочку ни потры́т̄я! (2)

Молодая Маръя́ночка,
Д̄ѣ жъ т̄ябѐ посад̄ӣт̄и;
Т̄и ў тату́льки на кут̄ѣ̀, [4])
Т̄и ў ма́льчака на руцэ̀? [5])
— Д̄ѣ̀ хо́чат̄я, посад̄ӣт̄я,
Тольки су́кни [6]) ни потры́т̄я,
Ды вяно́чка ни скранӣт̄я! [7])

Купальская же. Записана со словъ и голоса кр. Пилипенковой въ дисвен. у. Вар. не встрѣчено.
[1]) Предложен. пад. [2]) Гряда. [3]) Не обломите. [4]) Красный уголъ. [5]) Предложн. пад. [6]) Платье. [7]) Сдвиньте, потрогайте, нарушите. Символизмъ.

№ 13. Купальская.

Ой бо́ру [1]) мой, бо́ру мой,— (2)
Чаму̀, бо́ру [1]), ни шумёнъ? (2)
— Якъ мнѣ̀, бо́ру [2]), шумёнъ быт̄ь: (2)
Ў мянѐ, бо́ру [3]), пта́шакъ нѣ̀тъ. (2)
Одна была̀ зязюля,
Одна была й шэ́рая, [4])
Тую орлы задра́ли!.. (2)
Оролъ сабѣ̀ на пе́ръя, (2)
Соко́лъ сабѣ̀ на мясо!.. (2)

Ой дво́ру [1]) мой, дво́ру мой,— (2)
Чаму̀, двору, й ни мятёнъ? (2)
— Якъ мнѣ̀, двору, [2]) мятёнъ быт̄ь, (2)
Ў мянѐ, двору [3]), д̄ѣвокъ нѣ̀тъ. (2)
Одна была̀ Мару́сичка,
Одна была й мо́лода,—
Тую сваты̀ повязьлӣ...
Сваты сабѣ̀ на гульню̀, (2)
Миколка сабѣ̀ за жану̀!.. (2)

Поется на Купалу, 23 іюня вечеромъ. Древняя пѣсня. Раньше ее пѣли исключительно молодухи—женщины, участвовавшія въ праздновавіи Купалы; теперь женщины перестали выполнять этотъ обрядъ, и пѣсня поется дѣвушками. - Записана въ дисвен. у. со словъ и съ голоса крест. Пилипенковой. Вар. у Шейна, Бѣл. п., 445 и Матер. 1, 321.
[1]) Звад. пад. [2]) Дат. пад. [3]) Родит. пад. [4]) Сѣрая.

№ 14. Жнивная.

Ни пойду̀ домой,
Я й тутъ заночую,
Журбы̀ ни почу́ю,— [1])
Ни пойду домой!
У мянѐ дома
Ни то́плина хатка,
Ни ро́дная матка,—
Ў мянѐ дома!
Ля́гу я спат̄и
Подъ калиною
Подъ малино́ю—
Лягу я спат̄ь!
Буду проклинат̄и
Свёкра и свякру́ху,

Дѐвера й золо́вку—
Буду проклинат̄ь!
Уби, Божа,
Свёкорку на пе́чи
Колодой у плечи,—
Уби, Божа!
Уби, Божа,
Свякро́вку ў по́розя [2])
Кочаргами, помила́ми
Уби, Божа!
Спали, Божа,
Золо́вку у клѣ̀т̄и
Ясной блискавӣцай, [3])
Спали, Божа!

Утопи, Божа,
Деверку ў дорόзя, [2])
На большы́мъ пиравόзя, [3])
Утопи, Божа!

Удави, Божа,
Нелюбόго на мѣсьти [4])
Мя́хкими пирогами,—
Удави, Божа!

Пѣсня изображаетъ тяжкое положеніе молодой женщины, вышедшей замужъ въ большую семью, гдѣ ею всѣ помыкаютъ, а нелюбый мужъ не оказываетъ ей защиты. За тяжкой работой, одинокая, она шлетъ всей семьѣ мужа проклятія. Поется только во время уборки ржи. При уборкѣ яровыхъ хлѣбовъ поются пѣсни изъ числа свадебныхъ. Записана со словъ Романова, по тексту Виленской губерніи, съ голоса Пилипенковой. Пѣсня, распространенная по всей Бѣлоруссіи. Вар. у Шейна Бѣл. п., 475. Наиболѣе полный въ «Вилен. Календ.» 1910 г.

[1]) Брани не послышу. [2]) Предл. пад. [3]) Молніей. [4]) Въ городѣ, въ мѣстечкѣ, на базарѣ.

№ 15. Жнивная.

Да зъ зялёнаго гаю [1]) (2 раза)
Соловей валитáитъ. [2])
Соловей валитáитъ, [2]) (2)
Зязюлю вазавáитъ: [2])
«Ты зязюля шэ́рая (2)
Ти полятúшъ изъ нами?
Ти полятúшъ изъ нами, (2)
Зъ вясёлами [2]) соловъями?»
— Рада бъ была полятѣти (2)
Жаль гáю зялёнаго.
Жаль гаю зялёнаго, (2)
Соловъя вясёлаго!

Да зъ вясёлаго двόру (2)
Миколка ваижжáитъ. [3])
Миколка ваижжáитъ, (2)
Юзютку вазавáитъ. [2])
„Юзютка молόдая, (2)
Ти поѣдишъ ты зъ нами?
Ти поѣдишъ ты зъ нами, (2)
Зъ вясёлами молойцáми?“
— Рада бъ была поѣхати, (2)
Жаль двόру вясёлаго!
Жаль двόру вясёлаго, (2)
Тату́льки роджόнаго...

Поется во время уборки ржи. На этотъ мотивъ поются и многія другія жнивныя пѣсни. Записана въ дисснен. у. со словъ и съ голоса кр. Пилипенковой. Варіантовъ въ печатныхъ матеріалахъ не встрѣчено.

[1]) Роща. [2]) Вылетаетъ; вызываетъ; съ веселыми. [3]) Выѣзжаетъ.

№ 16. Дожиночная.

Круглὸ, малὸ,
Круглὸ, малὸ болόтичка.
Да хоть янὸ,
Да хоть янὸ круглὸ, малὸ,—
Колй янὸ
Коли янὸ ўродлúвое! } 2 раза.
Налѣтило,
Налѣтило гусей много.
Ня 'дны [2]) гуси,
Ня 'дны гуси—ёсть лéбеди.

Низкà, малà,
Низкà, малà Аню́точка.
Да хоть инà,
Да хоть ина низкà, малà,
Колй инà,
Коли ина щасьлúвая! } 2 раза.
Наѣхало,
Наѣхало сватόвъ много.
Ня 'дны сваты,
Ня 'дны сваты—ёсть свáтицы.

Поется при окончаніи жатвы озимыхъ. Записана со словъ и съ голоса Пилипенковой. Варіантовъ не встрѣчено.

[1]) Урожайное. [2]) Не одны, не одни.

№ 17. Лѣтняя.

Соловейку маленькій,
Твой голосокъ тоненькій, (2)
Не щебечы на зарѣ,
Не заўдавай жалю [1]) мнѣ, (2)
Що я въ чужый сторонѣ.

Ой пойду я гукаючы, [2])
Свого роду шукаючы [3]). (2)
По край сонца обойшла,
Свого роду не знайшла. (2)

Поется лѣтомъ, когда полютъ гряды. Записана отъ кр. с. Тростяницы бѣльскаго у. Н. Козла. Ср. Чубин. V, 464. Гильтебр., 21.

[1]) Тоска. [2]) Звать. [3]) Искать. О неударяемое произносится отчетливо.

№ 18. Лѣтняя.

Чыя жъ то пшаница—
Колосъ похилився?
— То жъ того казака,
Що ще не жанився.
Да чыя жъ то пшаница,
Що довги загоны?
— То жъ того казака,
Що чорныя бровы.

Да чыи жъ то волы
По горы ходыли?
— То жъ того казака,
Що мы вдвёхъ любили.
Одная любила,
Друга зашлюбила,
Одная любила—
Сестра разлучыла.

Бодай тебе, сестро,
Вода утопила,
Якъ ты мене, сестро,
Зъ милымъ разлучыла!

Записана тамъ же.

№ 19. Рекрутская.

„Ты калина малина,
А що жъ тебе звалило?—
— Звалили мене буйные вѣтры,
Зъ сухими морозами!

„Дитя моё милое,
Що ходишъ невесело?“
— Мати моя милая,
Якъ мнѣ быть веселому:

Чужая сторонушка
Безъ вѣтру сушить,
Наши командерики
Шумять-грымять.

Записана тамъ же.

№ 20. Бесѣдная.

Була Польща, була Польща,
А теперъ Росія,
Не заступить [1]) сынъ за батька,
А батька за сына.

Пошовъ батька изъ сохою,
А сынъ изъ косою,
Пошла мати на ланъ [2]) жати,
А дочка до гною [3]).

Ой жнуть воны, пожинають,
Друбный дощикъ идѐ,
Оглянулись назадъ сéбе—
Ажъ окóномъ [4]) йде:
„Ой що вы тэ, вражы люде,
Що вы наробйли?
Чому вы тэ за погоды
Спопўвъ не носили?“
— Ой якъ же намъ нашъ панóньку,
Ай снопы носити—
Стойть войтъ зъ сотникáми,
Хóчуть же насъ бйти!...

* * *

— Ой кувала зозўленька,
Кувáла, кувáла—
Якъ панщйна—дарóмщина [5])
Одъ пана ўтикáла [6]).
А ў недйлю порáненько
Сонько зыхóдить [7]),
Ужѐ наша панщинóнька
Изъ двора выхóдить.

Утикáла панщинóнька,
Ажъ гóры трасльíся,
А за ѐю вражы ляхи:
«Пáнщино, верньíся!»
Нагонйли панщинóньку
На калиновымъ мóсти:
«Вернысь, вернысь, панщинóнько,
Хочь до пана въ гости!»
— Не вернусй, вражы ляхи,—
Немáе до кóго,
Було́ хлóпа шановáты, [8])
Якъ здурóвъя свóго!
Не вернуся, не вернуся,—
Бо нема̀ до кóго,
Теперъ менѐ посылайтэ
Ажъ до мирового! [9])
Дя́ку [10]) Богу, дя́ку Цáру,
Ще [11]) й Руськой Царицы,—
Закопалы панщинóньку
На Прўськуй граници!...

Произведеніе искусственное, пріуроченное къ освобожденію крестьянъ въ 1861 году; но по содержанію своему оно оказалось настолько близко народу, затронуло такія струны его души, что быстро распространилось въ массѣ, вполнѣ сю усвоено и теряетъ признаки искусственности. Наибольшее распространеніе произведеніе имѣетъ въ Гродненской губерніи, гдѣ вѣроятно оно и составлено. У насъ было четыре варіанта оттуда—изъ Бѣльскаго, Слонимскаго и Кобринскаго уѣздовъ. На ноты положено съ голоса кр. с. Тростяницы Бѣльскаго у. И. Козла. См. вар. Жив. стар. 1891 г., 142.

[1]) Не замѣнитъ отецъ сына. [2]) Обширная (помѣщичья) нива. [3]) Разбрасывать навозъ. Имѣется варіантъ: «Пошла маты на лапъ жаты—Рядомъ изъ дочкою». [4]) Экономъ ѣдетъ. [5]) Даровой трудъ на пановъ, барщина. [6]) Убѣгала. [7]) Восходитъ. [8]) Здѣсь: беречь. [9]) То есть: безъ суда меня уже бить не будутъ войты и экономы. [10]) Благодареніе, слава. Если сокращеніе «дякую», - значитъ «благодарю». Варіантъ: подякуйте—поблагодарите [11]) Еще.

№ 21. Бесѣдная.

Взышòвъ мѣсицъ и зара̀,
Тамъ ходила удова̀.
Дунай, Дунай, Дунаёчикъ!
Тамъ ходила удова̀,
Хорошая, молода̀.
Дунай, Дунай, Дунаёчикъ!
Хорошая, молода̀,
Спородйла два сына̀. Дунай и т. д.
Спородила два сына̀,
Ў китáиньку сповила̀. Дунай и т. д.
У корэ́бчикъ ўложыла,
На чистъ Дунай пусьтила. Дунай и т. д
„Ахъ ты, тйхинькій Дунай,
Моихъ дѣтокъ колыха̀й! Дунай и т. д.
Ахъ ты, жóвтинькій пясóкъ,
Накорми моихъ сынóвъ! Дунай и т. д.
Ахъ ты, дрóбна [2]) рыбочка,
Забавляй моихъ сыновъ! Дунай и т. д.
На дватцáтомъ на годў
Пошла ўдóвка по водў. Дунай и т. д.
Стала ўдóвка водў брать.
Ставъ корэ́бчикъ приплувáть. Дунай и т. д.
А на тымъ жа корабли
Ды два братитки родны̀. Дунай и т. д.
Одинъ сядйть на носў,
Чэ́шыть русую косў. Дунай и т. д.
Другій сядйть на долў,
Поглидáить на ўдовў. Дунай и т. д.
Тиной рыбу гонйить,
Изъ удóвкой гукáить [3]): Дунай и т. д.

„Ахъ ты, ўдóвка—удовà,
Хорошая молодà! Дунаї и т. д.
Чамў, ўдóвка, ты стойшъ,
Чамў воды ни бярэшъ?“ Дунаї и т. д.
-- Я й водицу бярў,
Я ї на мóлойцовъ смотрў! Дунай и т. д.
„Ахъ ты, ўдóвка—удовà,
Хорошая, молодà! Дунаї и т. д.
А ти любишъ ты насъ,
А й ти пойдишъ за насъ? Дунай
и т. д.
— За старшаго сама пойдў,
За мéньшаго дочкў оддáмъ,
Дунай, Дунаї, Дунаёчикъ!

Далѣе слѣдуетъ легенда о происхожденіи травы «Братъ и сестра» (Иванъ да Марья).

Пѣсня несомнѣнно древняя и очень распространенная по всей Бѣлоруссіи, отъ Могилевской до Гродненской губерніи. Вар. у Романова, 13; Дембовецкаго, лѣтнія № 2; Дмитріевъ, 74; Шейнъ, Бѣл. п., 542 и др. Пѣсня бесѣдная, то есть такая, которую поютъ *сидя*, когда прядутъ, шьютъ и т. д. Опредѣленнаго времени для пѣнія ея не установлено, поется «абы—коли». Записана по тексту Вилен. губ. со словъ и съ голоса Пилипенковой.

[1]) Коробокъ, кошъ, въ данной мѣстности большею частью изъ соломы. [2]) Мелкая. [3]) Разговариваетъ.

№ 22. Бесѣдная.

Якъ у Брéсьти, ў Брéсьти,
На приўкрáснымъ мѣсьти
Вей! вей! бомъ! бомъ!
Матўличка зомъ-зомъ!
Тáра-рíра, бомъ-бомъ!
На приўкрáсномъ мѣсьти!
Стояла карчóмка,
Карчомка новáя—Вей! вей! и т. д.
У той жа карчóмки
Хайка шинкувáла—Вей! вей! и т. д.
Пріѣхало къ Хайки
Два донскихъ казáки—Вей! вей! и т. д.
„Жидовочка Хайка,
Ти поѣдешъ зъ нами,
Зъ нами съ казакáми?“—Вей! вей! и т. д.
— Пріѣдьтя за мною
Вы у шáбусъ [2]) рáно:—Вей! вей! и т. д.
Пойдуть жиды ў шкóлу, [3])
Сама Хайка дома—Вей! вей! и т. д.
Пріѣхали къ Хайки
Да трóми возами—Вей! вей! и т. д.
Да повезли Хайку
Отъ карчмы далёко—Вей! вей! и т. д.
Да привезли Хайку
Да на мóстъ высокій—Вей! вей! и т. д.
„Жидовочка Хайка!
Ти домовъ варнúся,
Ти ў Дунай топúся!“ Вей! вей! и т. д.
— Ў Дунáи ўтоплюся,
Домовъ ни вярнýся—
Вей!-вей! бомъ! бомъ!
Матуличка зомъ зомъ!
Тáра-рíра, бомъ-бомъ!
Домовъ ни вярнуся!..

Пѣсня древняя, эпохи борьбы за освобожденіе Малороссіи. Замѣчателенъ контрастъ между трагическимъ содержаніемъ и юмористическимъ припѣвомъ — Распространена по всей Бѣлоруссіи, отъ Гомеля и до Бреста. — Записана со словъ и съ голоса Е. Р. Романова, по Гомельскому тексту, съ незначительными сокращеніями.

[1]) Содержала шинокъ, продавала водку. [2]) Въ субботу утромъ. [3]) Въ синагогу.

№ 23. Щедровка.

А ў пóли, ў полі
Берóзка стойть—
Святый вéчаръ!
На той бярóзцы
Свѣчачка горúть—
Святый вéчаръ!
Съ тыѐ свѣчачки
Искорка ўпáла—
Святый вéчаръ!
Искорка ўпáла,—
Рѣчачка стала—
Святый вéчаръ!

У той рѣчацци [1])
Самъ Богъ купався—
Святый вечаръ!
Самъ Богъ купався,
Зъ Ісусомъ Христомъ—
Святый вечаръ!
Зъ Ісусомъ Христомъ,—
Съ Святымъ Рожаствомъ!
Святый вечаръ!
(Речитативъ): Святый вечаръ, добрый вечаръ!
Здрастуй хозяинъ съ хозяйкою,
На многія лѣта, на довгіе вѣки!..

Поется въ Щедрую кутью, наканунѣ Новаго Года, вечеромъ, когда дѣвушки, толпою, ходятъ поздравлять знакомыхъ. Ихъ одариваютъ деньгами или чѣмъ-либо съѣстнымъ. На этотъ сборъ дѣвушки потомъ устраиваютъ вечеринку, игрище. Въ окатоличенныхъ мѣстностяхъ припѣвъ «Святый вечеръ» замѣняется другимъ: «Выхвалёный нашъ милый Божа, нашъ вышній!» Записана со словъ и съ голоса Е. Р. Романова, по тексту Гомельскаго уѣзда.

[1]) Въ той рѣчечкѣ.

№ 24. Щедровка.

Соколя!
Соколя ясный,
Молодецъ красный,
Степанка!
Съ подъ-тучи, тучи,
Съ подъ тёмной хмары—
Соколя!
Соколя ясный,
Молодецъ красный,
Степанка!
Ой бѣгли, бѣгли
Табуны коній—Соколя! и т. д.
Младый Степанка
Пераборщикъ—Соколя...
Ў табуни коній
Перабирая—Соколя...
Што луччій конь,
То сабѣ бярè—Соколя...
А што хужшій конь,
То брату даè—Соколя...
Вынесли Степанку
Скрыню грошій [1])—Соколя...
Младый Степанка
Пераборщикъ—Соколя...
Што златы гроши,
То сабѣ бярè—Соколя...
А што мѣдныя,
То брату даè—Соколя...
Вывели Степанку
Красную дѣвку-паненку. Соколя...
Ёнъ яè ўзявъ
И шапки не знявъ.
Соколя!
Соколя ясный,
Молодецъ красный,
Степанка!

Поется также наканунѣ Новаго Года, какъ и предыдущая. Живущій въ домѣ паренъ «Степанка» щедро одариваетъ пѣвицъ за такое прославленіе. Щедрованіе—обычай южныхъ Бѣлоруссовъ. Обѣ щедровки записаны въ Гомельскомъ уѣздѣ со словъ и съ голоса Романова.

№ 25. Колядная.

Ишла—пошла сивая свиньня, [1])
Куги! куги! сивая свиньня!
Ажъ подъ дубы, у жалуды, [2])
Куги! куги! у жалуды!
Споткалася съ шэдинькимъ вовкомъ, [3])
Куги! куги! съ шэдинькимъ вовкомъ!
„Куды идèшъ, сивая свиньня?“ Куги! и т. д.
— И у подъ дубы, у жалуды! Куги! и т. д.
„И я жъ табѣ за товараша!“ [4]) Куги! и т. д.
— А Божа жъ мой!—ня хочатца! Куги! и т. д.
Быть моей шэрсьти рассыпанной, Куги! и т. д.
Быть моей крыви [5]) разлитою, Куги! и т.д.

Быть моимъ дѣткамъ сироточками!
Кугй! кугй! сироточками!
Ишла—пошла млада Ганулька,
Люлй! люлй! млада Ганулька!
На высокъ тяромъ [6]) косу часать,
Люли! люли! косу часать!
Споткалася зъ младымъ Миколкомъ!
Люлй! люлй! зъ младымъ Миколкомъ!
„Куды идёшъ, млада Ганулька?" Люли! и т. д.
— А я иду на высокъ тяромъ, Люли! и т. д.
На высокъ тяромъ, косу часать! Люли! и т. д.
„И я жъ табѣ за товараша!" Люли! и т. д.
— Ай, Божа жъ мой!—ня хочатца! Люли! и т. д.
Быть моиму лицу заплаканому! Люли! и т. д.
Быть моей косца [7]) растрэпанэй [8]), Люли, и т. д.
По бѣлыхъ плечкахъ попущанэй!
Люли! люли! попущанэй!

Поется въ «Святыя вечера» во время Рождественскихъ праздниковъ. Пѣсня старинная. Вар. у Шейна, Бѣл. п., 334, съ другою мелодіей, но сходнаго содержанія. Записана въ Дисней. у. со словъ и съ голоса Пилипенковой.

[1]) Бѣлая свинья. [2]) За желудями. [3]) Встрѣтилась съ сѣрымъ волкомъ. Шэдый—цвѣтъ шерсти, бѣлая съ черной или съ красной. [4]) Въ товарищи. [5]) Крови, дат. пад. [6]) Въ высокій теремъ. [7]) Коскѣ, дат. пад. [8]) Растрепанной.

№ 26. Свадебная.

До дубу, зязюля [1]), до дубу,—
Ой рано—ранёнько, до дубу!
Часъ [2]) табѣ, Маруська, до шлюбу,—
Ой рано—ранёнько, до шлюбу!
— Што табѣ, зязюля, до того,—
Ой рано—ранёнько, до того!
Ёсть у, мянѐ матулька дли того,—
Ой рано—ранёнько, дли того!
Скажыть мнѣ сѣсьти—я сяду,—
Ой рано раненько, я сяду!
Скажыть мнѣ ўстати—я ўстану,—
Ой рано—ранёнько, я ўстану!
Скажыть мнѣ пойти—я пойду,—
Ой рано—ранёнько, я пойду!

Поется въ домѣ невѣсты предъ отъѣздомъ ея къ вѣнцу. Записана со словъ и съ голоса кр. Пилипенковой, Диснен. у. Вар. у Носов., 205. Шейнъ, 325, 343 и Мат. 1, 2—193.

[1]) Зязюля—кукушка. [2]) Пора. [3]) Вѣнецъ, вѣнчанье.

№ 27. Свадебная.

Хвалилася калиночка
За ракой [1]).
«Нихто жъ мянѐ ня высѣчить
За водой!»
Обобрався буёнъ вѣтракъ [2])
На яѐ [3]):
«Да я жъ тябѣ хоть ня высѣку,
Дакъ зломлю [4]),
Да я жъ твоё вѣтьтійко [5])
Поломлю!»
Хвалилася молода Маруська
За скамъёй:
«Нихто жъ мянѐ ни достанить
За столомъ!»
Обобрався молодъ Миколка
На яѐ:
«Да я жъ тябѐ хоть ни возьму—
Заручу!
Да я жъ тябѐ отъ дѣвочакъ
Отлучу!
Да я жъ тябе икъ жоночкамъ
Прилучу!»

Поется по пріѣздѣ молодой отъ вѣнца. Записана въ Диснен. у. со словъ и съ голоса кр. Пилипенковой. Вар. у Шейна, Бѣл. п., 743.

[1]) За рѣкой. [2]) Нашелся буйный вѣтерокъ. [3]) На нее. [4]) Такъ сломлю. [5]) Вѣтви,—собирательное.

№ 28. Свадебная.

Оддáли мянè, забыли мянè,—
Якъ жа вамъ ни жáль бýдить? (2)
Якъ жа я буду у чужой сторóнца [1])
Тя́жынько тужы́ти? (2)
Якъ жа я буду у чужой сторóнца
Свякрóуца [2]) норови́ти? (2)
Будуть жа мянè рáнинько буди́ть,
Пóзьнинько спать клáсьти! (2)
А тамъ вýлочки нивядóмыя,—
Блуди́ть жа я буду! (2)
А тамъ сусѣ́дцы нязнаёмыя [3]),—
Суди́ть мянè будуть (2).
Оддáли мянè, забыли мянè,—
Якъ жа вамъ ни жáль бýдить? (2)
Пры́ѣдь, мамочка, пры́ѣдь, рóдная,
Мянè отвѣ́дати! (2)

Поется при отъѣздѣ молодой къ жениху. З писана въ Дисчен. у. со словъ и съ голоса той-же крестьянки. Печатныхъ варіантовъ не разыскано.

[1]) По мѣстному говору—предложн. пад. [2]) Тоже—дат. пад. [3]) Сосѣди незнакомые.

№ 29. Свадебная.

Да вы́йдимъ мы, да послýхаимъ [1]) (2)
Ти ня ѣ́дуть [2]), ти ня гóйкають [3]), (2)
На кониковъ ти ня нóкають? (2)
— Да ýжэ ѣ́дуть, да ýжэ гóйкають, (2)
На кониковъ да ýжэ й нóкають. (2)
Ай равýть [4]) кони, равýть— (2)
Богаты́рочку вязýть, (2)
Съ скры́нями [5]), съ пяры́нами, (2)
Зъ дóброй господы́няю! (2)
А ни такъ ба яны́ равли́ бъ,— (2)
Кабъ худóбочку бъ [6]) вязли бъ,— (2)
А ни скры́ни, ни пяры́ны, (2)
А ни доброй господы́ни... (2)

Поется свитой жениха, когда молодые пріѣзжаютъ въ домъ его, вмѣстѣ съ приданками и съ приданымъ. Записана тамъ же, со словъ и съ голоса Пилипенковой. Слабый вар. у Шейна, Бѣл. п., 650 и Мат. 1, 2,—60.

[1]) Послушаемъ. [2]) Ти ня ѣдуть—не ѣдутъ ли. [3]) Кричатъ. [4]) Храпятъ. [5]) Съ сундуками. [6]) Богатырка—богатая, худобочка—бѣдная.

№ 30. Свадебная.

Отчини́, матýлька, ворóты, (2)
Вязёмъ табѣ́ нявѣ́стку, якъ злó-
та! [1]) (2)
Отчини, матулька, вокóнца, (2)
Вязёмъ табѣ́ нявѣ́стку, якъ слóн-
ца! [2]) (2)
Подыми́, матýлька, коры́тца [3]), (2)
Вязёмъ табѣ́ нявѣ́стку сва́ры́тца! [4]) (2)
— А я ворóтячки отчиню́ [5]), (2)
Я нявѣ́стоцца [6]) догаджý! (2)
Празъ вокóнца [7]) буду глядѣ́ти, (2)
Якъ моя нявѣ́сточка прадѣ́ти [8]). (2)
На што намъ зъ нявѣ́сткой сва-
ры́тца, (2)
Бýдить мнѣ нявѣ́сточка коры́тца! [9]) (2)
Ина́ жъ бýдить въ комóры [10])
спать, (2)
А я буду дитя колыха́ть! (2)

Поется свитой невѣсты, въ отвѣтъ на предыдущій номеръ. Записана отъ той же крестьянки, въ дер. Заулкахъ. Вар. не отыскано. Типичная свадебная бѣлорусская мелодія, по которой поются почти всѣ пѣсни во время свадебныхъ поѣздокъ.

[1]) Золото. [2]) Солнце. [3]) Корыто. [4]) Ссориться. [5]) Отворю. [6]) Дат. пад. — невѣсточкѣ угожу. [7]) Чрезъ, сквозь оконце. [8]) Прядетъ. [9]) Покоряться, повиноваться. [10]) Комната.

№ 31. Колыбельная.

Люли, люли, люли!
Прилятѣли гули, [1])
Сѣли на воротяхъ
У чырвоныхъ ботяхъ. [2])
Стали щебетати,
Ды што кому дати:
А Иваньку сапожкі,
А Григорку рожночкі. [3])

Поется при убаюкиваньи ребенка, когда въ тактъ раскачивается люлька—колыска—колыбель. Существуетъ много варіацій. См. Бѣлор. Сборн. I, 169—170; Носов 236—238; Шейнъ 300—301, и Матер. ч. I, 29—30. Записана со словъ и съ голоса Е. Р. Романова. Текстъ Сѣнненскаго у. Могилевской губ.

[1]) Гули—голуби. [2]) Въ красныхъ сапожкахъ. [3]) Григорка—чужой ребенокъ. Ему рожночки, а своему Иванькѣ сапожки.

№ 32. Колыбельная.

Не ходи, котикъ,
По лавцы [1]),
Будемъ бити
По лапцы!
Не ходи, котикъ,
По скрыни [2]),
Будемъ бити
По спини!

Не ходи, котикъ,
По мосту [3]),
Будемъ бити
По хвосту!
Не ходи, котикъ,
По печи,
Будемъ бити
У плечи!

Не ходи, котикъ,
По хати,
Не буди, котикъ,
Дитяти!
Нехай коту
Усё лихо,
Нашъ Андрушка
Сип тихо!

Поется тогда же, когда и № 1. Записана со словъ и съ голоса Е. Р. Романова, по тексту Гомельскаго уѣзда. См. Романовъ, Бѣлор. Сбор. I, 169, и Шейнъ, Матер. 1, 30.

[1]) Лавка, скамейка. [2]) Скрыня—сундукъ. [3]) Мостъ—полъ.

№ 33. Крестинная.

У мойго братитки бясѣдочка,
У мойго братитки вясёлая.
А я й молода ня вѣдала,
А я й молода ня вѣдала.
Собравшы сямейку, по'бѣдала, (2)
Къ брату у госьти поѣхала. (2)
А братъ сястрыцы уляккнувся [1]), (2)
Да съ хлѣбомъ—сольлю схамянувся[2]).(2)
— «Прымай, жана, ты хлѣбъ съ стола: (2)
А тамъ идѣть нялюбая сестра. (2)
Нехай [3]) ина сама идѣть, (2)
А то своихъ дѣтокъ вядѣть!» (2)
— И ты, братитка, ни пужайся,
Ты, родииенькій, ни пужайся!
А съ хлѣбомъ-сольлю ни ховайся [4]): (2)
А я жъ учора вячерала, (2)
А сягодья по'бѣдала. (2)
Я къ табѣ, братитка, ня у госьти йшла, (2)
Тябе, братитка, отвѣдати, (2)
Своихъ дѣточакъ ни маючы,
Своихъ дѣточакъ ни маючы.

Поется на крестинахъ. Крестинныя бѣлорусскія пѣсни можно раздѣлить на три вида; въ большей части ихъ описывается тяжелое положеніе женщины въ крестьянской семьѣ; нѣкоторая часть касается отношеній между супругами и между кумовьями, и наконецъ довольно большое мѣсто въ нихъ отводится юмору, причемъ предметомъ насмѣшекъ бываетъ преимущественно мужъ и бабка.

Записана со словъ Е. Р. Романова, по тексту дисненск го у. виленск. губ., съ голоса крест. Пилипенковой. Крестинныя пѣсни собраны у Шейна, Бѣл. пѣсни, стр. 285—295 и Матер. 18—29, у Носов. 234—235. Настоящаго номера нѣтъ. Въ мелодіи находится, будто бы, восточный элементъ.

[1]) Уляккнуться—испугаться. [2]) Схаменуться—спохватиться. [3]) Нехай—пусть, пускай. Здѣсь—пусть бы. [4]) Ховать,ся—прятать,ся.

№ 34. Крестинная.

Я ўчо́ра мо́лода
Пъя́на была̀,
Пъя́на была̀!
А сяго́дьня мо́лода
Ня буду пить,
Ня буду пить!

Мани́лися [1]) ў мянѐ
Госьтики быть,
Госьтики быть.
А ды што за госьти—
Братъ да сестра̀,
Братъ да сестра̀!

Любыя госьти—
Кумъ ды кума̀,
Кумъ ды кума̀!

Текстъ записанъ тамъ же. Мотивъ съ голоса той же Пилипенковой. Колоритъ музыки также, будто бы, восточный.

[1]) Имѣлися, обѣщалися.

№ 35. Крестинная.

Да было̀ ў ба́бки,
Да было̀ ў любки
Да двана́тцыть во-
ловъ (2)
«Котораго, бабка,
Котораго, любка,
Ты вола прыдаси?» (2)
— Ёсть у мянѐ ра́бый,
Што ро́бить гра́бы [1]),—
Я того ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мянѐ лысый,
Ды што ро́бить ми́сы,—
Я й того ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мянѐ круторо́гъ,
Тэй лётынить съ усихъ
ногъ,—
Я й того ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!

Ёсть у мянѐ бу́рый,
Ды што кру́тать дюры,—
Я й того ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мянѐ чо́рный,
Ды што ро́бить жо́рны [2]),
Я й того ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мяне половы́й [3])
Да што хо́дить ды воды̀,—
Я й того ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мянѐ бѣлый,
Ды што ро́бить дверы,—
Я й того̀ ни прыда́мъ,
До-душы-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мяне бѣлово́кій,
Ёнъ ли мянѐ хо́дить бо̀-
комъ,—

Я й того̀ ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мянѐ кру́тый,
Ёнъ пилну́ить ру́ты [4]),
Я й того ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мянѐ си́вый,
Ёнъ па́шыть ни́вы,—
Я й того ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мянѐ красный,
Ёнъ до дѣтокъ ла́сый,—
Я й того ни прыда́мъ,
До-душы-шъ ни пры-
да́мъ!
Ёсть у мянѐ мыша́тый [5]),
На ёмъ ѣздить у сваты,—
Я й того̀ ни прыда́мъ,
До-душы̀-шъ ни пры-
да́мъ!

Поется при раздачѣ бабкою крестинной каши. Одна изъ древнихъ пѣсенъ. Запис. со словъ и съ голоса кр. Пилипенковой. Текстъ дисненскаго у. Варіантъ Бѣлор. Сб. 1, 220, въ числѣ юмористич. веснянокъ.

[1]) Родъ лѣстницы у яслей. Тоже драбы. [2]) Ручные жернова. [3]) Палевый. [4]) Растеніе. [5]) Мышастаго цвѣта.

№ 36. Крестинная.

Наша ба́бка подпила́,
Подъ пры́печкомъ спа̄ть легла.
А тамъ мыши шале̄ли,
Хварту́хъ бабки прое̄ли.
Стала ба́бка плака̄ти,—
Не́чимъ хварту́хъ латати. [1])
Заплакала голосо́мъ,
Да й зашыла волосо́мъ.
Ты, дядулька, ни гуляй,
Иди, бабку подымай!

Поется въ концѣ крестинъ, предъ отъѣздомъ бабки домой. Записана со словъ Романова, по тексту сѣнненскаго уѣзда, съ голоса кр. Пилипенковой. Вар. у Носов., 100.

[1]) Заплатать.

ТАНЦЫ.

№ 37. Коло, Шестакъ.

Шесть дёнъ молотила,
Шестакъ заробила,—
Сама сабѣ дивова́ла,
Што такъ мало заробляла!

Второй разъ поется ускореннымъ темпомъ, и коло кружится быстро. Затѣмъ опять поется медленно, причемъ коло только ходитъ и т. д. Распространена въ Бѣлоруссіи повсемѣстно.

№ 38. Коло, Веробей.

Чи-чи́, чи-чи́, веробе́й!
Не клюй моихъ конопе́ль!
А я жъ табѣ, веробью́,
Ко́ломъ но́ги перабъю́,
Подъ згоро́дку подки́ну,
Черапо́чкомъ накры́ю.
А на тую ножку
Куплю я панчо́шку,
А на то́я тѣльца
Вытку полоте̄нца!

Затѣмъ опять съ начала.

№ 39. Товкачики.

Гей гей, товка́чики!
Гей-гей, дубовые!
Гей-гей, дубовые,
На работу готовые!
Семъ годъ бадя́лися, [1])
Въ одну ступу собра́лися!
Гей-гей, товкачики,
Гей-гей, дубовые!

Для исполненія этого танца, на полу раскладываются двѣ лучинки крестъ-на-крестъ. Танцовщица дѣлаетъ па въ правомъ нижнемъ углѣ, затѣмъ переходитъ въ лѣвый верхній; отсюда она отступаетъ въ лѣвый нижній и затѣмъ въ правый верхній. Отсюда снова назадъ—въ правый нижній и т. д. Танцуютъ на носкахъ и не задѣвая лучинокъ. Танецъ трудный, но очень граціозный. Запис. отъ той же.

2	4
3	1

[1]) Валялися. О людяхъ: шляться, таскаться.

№ 40. Трясуха.

А ты, ру́да, ходи сю́ды,
А ты, чо́рна, стой тамъ!
А я зъ ру́дой разбяру́ся,
А къ чо́рной прыду самъ!

№ 41. Левониха, Крутуха.

Любимый бѣлорусскій танецъ, теперь выходящій изъ употребленія и сдѣлавшійся достояніемъ стариковъ. Состоитъ въ томъ, что танцующіе кружатся парами. Припѣвовъ много. При болѣе пикантныхъ текстахъ, кавалеръ идетъ въ присядку.

№ 42. Полька.

Дявчинонька,
Люблю тябѐ,
Ня ѣжъ хлѣба—
Возьму тябѐ!

Дявчина
Послухала,
Три дни хлѣба
Ня кушала...

№ 43. Ланцугъ.

Состоитъ изъ трехъ куплетовъ, нѣсколько вольнаго содержанія, въ родѣ:

На вулицы побыла,
Повидила Адася.
Ёнъ мянѐ цаловавъ,
А я обнилася.

№ 44. Кадрель.

А ти я ня дѣвка,
Ти я ни панѐнка:
Руки—якъ бичовки,
Ноги—якъ ночовки!
А ти я ня дѣвка,
Ти я ни панѐнка:
Сподница у кружки, [1])
Чатыры подушки!

А ти я ня дѣвка,
Ти я ни панѐнка:
Хвартухъ у ёлки, [1])
У чатыры полки! [2])
А ти я ня дѣвка,
Ти я ни панѐнка:
И сподничка [3]) ў радно, [1])
Я зъ мордочки ладна! [4])

[1]) Ткацкіе узоры. [2]) Деревенскій шикъ. [3]) Юбка. [4]) Лицомъ красива.

№ 45. Кадрель казачковая.

Погнала бабулька
Козюльку ў поля.
Шалтаю,
Болтаю,
Маньджиры,
Маньджики,
Гугў,
Питю,
Баблейку,
Балбашу—
Шэраго козла!
А кизя, козюлька,
А кизя ў поля!
Шалтаю и т. д.

Прыгнала бабулька
Козюльку домовъ!
Шалтаю и т. д.

Стала бабулька
Козюльку доить.
Шалтаю и т. д.

Я яѐ за вымя—
Коза ни стойть!
Шалтаю и т. д.

Бодай те, козюлька,
Бодай вовчокъ зьѣвъ!
Шалтаю и т. д.

№ 46. Кадрель Петкевича.

Ми-ки та̀! Ми-ки-та̀!
Клиномъ шуба сошы́та!
А Мики́та жы́то но́сить,
Мики́тиха дяжу̑ мѣ́сить,
Ми-ки-та̀! Ми-ки-та̀! и т. д.
А Мики́та ку́чу вѣ́ить.
Мики́тиха муку̑ сѣ́ить.
Ми-ки-та̀! Ми-ки та̀! и т. д.
А Микита дро́вы сячѐть,
Мики́тиха ѣ́сьти нясѐть.
Ми-ки-та̀! Ми-ки-та̀!
Клиномъ шуба сошы́та!

Всѣ танцы запис. со словъ и съ голоса Анны Пилипенковой, дисн. у.

№ 47. Терешка, Игорная.

Терешка—архаическая игра бѣлоруссовъ, представляющая отзвукъ тѣхъ игрищъ дреговичей, сѣверянъ и радимичей, которые описаны Несторомъ и съ которыхъ славяне умыкали себѣ женъ. Въ настоящее время игра сохраняется только въ захолустныхъ селеніяхъ подъ именемъ «Женитьбы Терешки» или просто «Терешки».

Въ одинъ изъ вечеровъ Рождественскаго мясоѣда молодежь собирается къ какому-нибудь хозяину, у котораго просторная изба съ поломъ. Дѣвушки приносятъ закуску: мясо, сало, колбасы, масло, сыръ, яйца, яблоки, орѣхи, а парни въ складчину покупаютъ водку, пиво и нанимаютъ музыканта. Затѣмъ, изъ присутствующихъ женатыхъ мущинъ и замужнихъ женщинъ избираются «батька» и «матка». Дѣвушки садятся отдѣльно отъ парней. Матка выспрашиваетъ у нихъ (секретно), кого имъ дать въ мужья, а батька въ то же время узнаетъ отъ парней, кому какую дѣвушку желательно взять. Молодежь очень энергично отстаиваетъ свои симпатіи, и эти предварительные сговоры продолжаются нѣсколько часовъ.

По окончаніи переговоровъ, батька съ маткой танцуютъ «крутуху» (см. танцы). Затѣмъ батька беретъ парня и выводитъ его на средину избы. Матка поетъ:

Тярѐшка волѐчитца—
Жани́тися хо́читца,
Хо́дить, выглида́ить,
Кого ёнъ спойма́ить.

Дѣвушки отвѣчаютъ на это:

Тярѐшка, Тярѐшынька,
Тиразъ боръ доро́жынька,
Би́тая, топта́ная,
Я у̑ ма́мки коха́ная.

Матка выбираетъ одну изъ дѣвушекъ и выводитъ къ парню. При этомъ матка танцуетъ съ дѣвушкой, а батька съ парнемъ. Потомъ дѣвушка вручается парню съ словами: «Глядите жъ, дѣтки, живите хорошо, другъ друга шануйте, не обижайте» и т. п. Это женитьба: парень становится «дѣдомъ», то есть мужемъ, а дѣвушка «бабой», то есть женой. Протанцовавши крутуху, новожены садятся на скамейкѣ, а батька съ маткой начинаютъ женить слѣдующую пару, и т. д., пока переженятъ всѣхъ. Тогда первая пара выходитъ на средину избы, парень и дѣвушка становятся другъ къ другу лицомъ, парень спиной къ двери, а дѣвушка къ передней стѣнѣ За ними, такимъ же образомъ, становятся и остальныя пары, дѣвушки за дѣвушками, парни за парнями. Роль батьки и матки кончена. Дѣвушка послѣдней пары выходитъ изъ ряда въ лѣвую сторону, парень послѣдней пары начинаетъ ее ловить, но выступаетъ для этого изъ ряда въ противоположную сторону—правую.

→ Парни. Дѣвушки.
. . . . — . . . .
←

Къ этой части игры и относится приведенная пѣсня.

Когда парень поймаетъ дѣвушку, они танцуютъ крутуху вокругъ ряда стоящихъ, а затѣмъ ловить начинаетъ дѣвушка парня.

Пѣсенъ, подобныхъ приведенной, много. Однѣ поются, когда парень ловитъ дѣвушку, другія—когда дѣвушка ловитъ парня.

Для дѣвушки:

Ни у̑тикай, дѣ́дя—лябѐдя,
Напъёмся мы пива по обѣ́ди,
Ни у̑тикай, дяду́личка—
Я жъ твоя бабу́личка!

Для парня:

На нѐби зо́рачка я́сна,
Въ сусѣ́да дявчи́на кра́сна.
Хуть жа я у̑ бяду̑ у̑паду̑,
Сусѣ́да дявчи́ну у̑краду̑.

(Какъ бы въ подтвержденіе сообщенія Нестора).

Когда парень поймаетъ дѣвушку и они танцуютъ крутуху, то имъ поютъ:

Ты мой дѣдъ, ты мой дѣдъ,
А я твоя бабка!
Шануй мянѐ, цалуй мянѐ,
Кабъ я была гладка!

Поцѣловавшись, пара становится въ средину ряда, раздвигая первую пару. Начинаетъ ловиться слѣдующая крайняя пара, и т. д.

Когда ловятъ другъ друга, танцуютъ въ тактъ пѣсни и кромѣ того бьютъ подъ тактъ же въ ладоши.

Игра оканчивается, когда переловятся всѣ пары. Тогда ужинаютъ и расходятся по домамъ, также, парами. Бываетъ это уже утромъ.

Мотивъ записанъ съ голоса кр-ки Пилипенковой, дисмен. у. вилен. губ.

№ 48. Зязюля, Игорная.

Ты, зязюля, ни кукуй, ни кукуй!
Ты, шэрая, ни кукуй, ни кукуй!
Коли будишъ куковать, куковать,
Нѣгди будить ночавать, ночавать!
Куку! Куку!
Ходить пятухъ по вулицы,
Скукарэчився:
Ти ты ножку забйвъ,
Ти скалѣчився?
Куку! Куку!

На вулицы питушокъ,
Кукарэчку пяѐть,
А курачка рабушачка
Яму ѣсьти нясѐть
Куку! Куку!
На вулицы питушокъ
И рабая курка,—
Я за тябѐ ни пойду,
Благая натурка!
Куку! Куку!

Ходить пятухъ по вулицы—
Якъ кудакъ, дакъ кудакъ!
Пытаитца у курочки:
А ти такъ? А ти такъ?
Куку! Куку!

Какъ и «Терешка»—пѣсня игорная. Поется зимою, при игрѣ «въ зязюльку». Играющіе становятся въ рядъ, другъ противъ друга, парни съ одного конца ряда, дѣвушки съ другого. Когда начинается пѣсня, парень и дѣвушка, которыми оканчивается рядъ съ противоположныхъ сторонъ, выступаютъ изъ ряда, одинъ налѣво, другая направо, и начинаютъ ловить другъ друга. Сначала парни ловятъ дѣвушекъ, а когда всѣхъ переловятъ, тогда дѣвушки ловятъ парней. При этомъ ловящіеся танцуютъ подъ тактъ пѣсни, а при пѣніи «Куку!»—подаютъ сквозь рядъ другъ другу руки. Записана со словъ и съ голоса той же кр-ки.

Парни. Дѣвушки.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

№ 49. Алисахвій царевичъ.

Расплакався младый юношъ,
Алисахвій [1]) царевичъ,
Ёнъ просився у пустыльни, [2])
У прекрасной, весялыя:
«Охъ, мати моя, пустыльня
Пріукрасна, веселая!
Прими мяне, мать пустыльня,
А заблудшаго сына,

Якъ и матеръ свойго чада,
Усё й на бѣлыя руки!
Хочу Богу помолитца,
Зъ младосьти лѣтъ потрудитца
Усё [3]) й вялйкими трудами,
Усё й горучими слезами!“
Отвѣчаить мать-пустыльня,
Усё й архангельскимъ гласомъ:

«Охъ ты младый, младый юношъ
Алисахвій царевичъ!
Ти ни жаль табѣ будить
Свойгȯ бѣлаго царства?

(Далѣе: Красныхъ хоромъ, цвѣтнаго платья, бѣлаго хлѣба, сладкихъ напитковъ, отца-матери родныя, своихъ друзей—побратимовъ, золотыя короны, свойго царства покинуть).

Отвѣщáить младый юношъ
Алисáхвій царевичъ:
„Охъ ни жаль жа мнѣ будить
Свойго царства покинуть!

(И далѣе перечисляются вышеуказанные предметы).

Спокидáю, оставляю
Своё бѣлое царство!
Спокидáю, оставляю
Своё красныя хоромы!»

(И т. д. все, что приведено выше).

Стихъ очень обширный и здѣсь приводится только начало его.

Поется преимущественно въ Рождественскій постъ, въ память препод. Іоасафа—царевича индѣйскаго (19 ноября), затѣмъ на ярмаркахъ и храмовыхъ праздникахъ. Стихъ имѣетъ большое распространеніе. Нѣсколько бѣлорусскихъ варіантовъ его приведено у Романова, Бѣлор. Сборн. V, 371—377.

Настоящій стихъ записанъ со словъ и съ голоса Е. Р. Романова, по тексту гомельскаго уѣзда.

[1]) Искаженное: I асафъ, Іоасафій. [2]) Пустыня. [3]) Все.

№ 50. Надгробный.

Ночь надъ другомъ я сидѣвъ,
Да я смерти не дозрѣвъ.
Ой, гóра [1]) гóра мнѣ,
Гóра мнѣ вялúкое!
Плоть мою у гробъ кладýть,
А душý на судъ вядýть.
Ой, гóра, гóра мнѣ
Гóра мнѣ вяликое!
Мимо царства проходжý,
Силно плачу и гляджý [2]): Ой, гóра! и т. д.
Ты прощай, пракрáсный рай,
Я иду у ѝный край! Ой, гóра! и т. д.
Ўси законы праступѝвъ,
Вéлми Бога прогнявѝвъ. Ой, гóра! и т. д.
Я воскресныхъ днёвъ ня ўчтивъ [3]),
Во грахáхъ ихъ проводивъ. Ой, гóра! и т. д.
Отцу мати не ўважавъ [4]),
Ўсё старався раздражать Ой, гóра! и т. д.
Въ огни, ў плáмяни стою̀,
Охъ, смолý горáчую пъю. Ой, гóра и т. д.
Прощай, Царство, Божій домъ,
Не видатца вѣкъ съ тобой!
Ой гóра, гóра мнѣ,
Гóра мнѣ вяликое!

Поется надъ покойникомъ, а также во время великаго поста. Распространенъ не только среди нищихъ, но и въ народной массѣ. Записанъ со словъ и съ голоса Е. Р. Романова. Вар. у Ром. I, 372. Мусатовъ, 20.

[1]) Горе. [2]) Прохожу, гляжу. [3]) Не почтилъ. [4]) Не уступалъ, не покорялся.

№ 51. Плачъ Іосифа.

Кому повѣмъ [1]) печаль мою?
Кого призову ко рыданію?
Токмо тебе [2]), Владыко мой,
Владыко мой и Господи!
Кто бы ми далъ голубицу,
Вѣщающую бесѣдами? [3])
Послалъ бы я ко Іякову,
Отцу моему Израилю.

«Вотче, вотче, Іякове!
Пролей слёзы ко Господу:
Твоè сынỳ, моя братія,
Запродáли менè во чужую землю̀,
Во чужую землю̀, египецкую,
Кы тому цару кы невѣ̀рному,
Кы той царицы кы немилостивой!..»

Постся во время великаго поста. Представляетъ только отрывокъ изъ болѣе обширнаго стиха. См. Ром. V, 377 и Мусатовъ, 45. Записано со словъ и съ голоса Е. Р. Романова, по тексту гомельскаго уѣзда.
¹) Сообщу, повѣдаю. ²) Только тебя. ³) Владѣющую рѣчью.

№ 52. Лѣтняя.

А какъ зародило много ягодъ у бору̀,
А какъ заблудила красна дѣвица у̀ лясу̀!--
Инà приблудила къ быстрой рэ̀чаньки—ракѣ̀,
Инà разослáла гранатóвинькій платокъ,
Инà постнавѝла горкой водочки штохвóкъ,
Инà положы̀ла сладкихъ яблочковъ съ пятокъ.
А какъ закликнула пиравóзьничка къ сабѣ̀:
„Ахъ ты, пиравóзьничакъ, пáрань молодой,
Пиравязѝ мянè на ту стóрону домой!“

Записана отъ Анны Викентьевой въ дер. Заулкахъ вилен. губ. Пѣсня заимствованная отъ велик руссовъ, но очень распространенная во всѣхъ губерніяхъ Западнаго края. Имѣетъ множество варіантовъ и значительные оттѣнки въ мелодіи.

№ 53. Рекрутская.

Мелодія записана г. Чуркинымъ съ голоса кр. Бѣльскаго у. гроднен. губ. Ив. Козла. Текстъ не доставленъ.

